

АНАТОЛИЙ АРСЕЕНКО,

*кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник отдела экономической
социологии Института социологии НАН
Украины*

Глобализация: социальные изменения и последствия в преддверии XXI века

Что такое глобализация? Какие движущие силы и факторы приводят к утверждению этого нового феномена на международной арене? Какие последствия для мирового сообщества влечет за собой это сложное явление накануне третьего тысячелетия? Ответы на эти вопросы ищут сегодня многие социологи, экономисты, политологи, правоведы, историки, представители других общественных наук.

По данным справочного издания “Социофайл”, ежегодно составляемого на основании информационной обработки 1600 журналов, выходящих в 55 странах мира на 30 языках, глобальные вызовы современности стали основным объектом междисциплинарных исследований. В 1984 г. термин “глобализация” (от англ. global – всемирный) всего трижды встречался в заглавиях и резюме новых научных публикаций. Спустя десять лет общее количество работ, включенных в “Социофайл”, увеличилось в полтора раза, а исследований, посвященных проблемам глобализации – в 37 [1].

Повышенный интерес к этой сфере научного познания, по утверждению профессора университета Нью-Джерси Й.Фергюсона, объясняется тем, что “завершение холодной войны и нарастающие темпы глобализации всемирной экономики застали большинство теоретиков врасплох” [2]. Выдвижение изучения процессов и проблем глобализации на первое место в социально-экономических и гуманитарных исследованиях привело к выделению глобалистики в конце XX в. в самостоятельную научную дисциплину.

В последнее десятилетие термин “глобализация” получил широкое распространение в социологической литературе и настойчиво вводится “глобалистами” в научный оборот.

Этот термин употребляется для характеристики современных социальных, экономических, политических, информационных, торговых, финансовых, транспортных, трудовых, культурных, коммуникационных и других планетарных изменений и процессов. Введение его в научную лексику способствовало преодолению государственно-центристского и евроцентристского подходов в социологии глобальной системы и утверждению новой парадигмы глобального общества в условиях острого столкновения центростремительных и центробежных тенденций накануне XXI века.

Что такое глобализация?

В основе всех современных глобальных процессов и проблем прежде всего лежит интернационализация и интеграция мировой экономики. Глобализация представляет собой новую фазу в развитии мировых хозяйственных связей, характеризующуюся переходом от мировой экономики к формированию глобальной экономики. Принципиальная разница в определении понятий “мировая” и “глобальная экономика” состоит в том, что первую рассматривают как процесс интернационализации, а вторую — как процесс постинтернационализации мировых хозяйственных связей. В последнее время глобальную социэкономическую систему все чаще отождествляют с “глобальным капитализмом”.

Глобализация — это одновременно и старый, и качественно новый общественно-исторический процесс, результат развития капиталистической экономической интеграции в течение нескольких столетий. Одним из принципиально новых моментов в глобализации современной экономической жизни является переход от монокапитализма к мультинационализму, связанный с интенсификацией планетарной деятельности транснациональных корпораций (ТНК).

В подтверждение этого уместно сослаться на расшифровку термина “глобализация” на страницах американской “Энциклопедии социальных наук”. В ней отмечается: “Развитие мировой экономики имеет длительную историю, датированную, по меньшей мере, XVI веком и связанную с экономическим и имперским экспансионизмом великих держав. Глобализация относится к более продвинутой стадии этого процесса развития. При глобальной экономике все экономические аспекты — сырьевые и трудовые ресурсы, информация и транспорт, финансы, распределение, маркетинг — интегрированы или взаимозависимы во всемирном масштабе” [3].

Хронологические рамки глобализации после второй мировой войны охватывают весь комплекс международных экономических отношений и подразделяются на три этапа. Первый характеризуется быстрым ростом мировой торговли и попыткой регулирования ее на многосторонней основе в рамках Генерального соглашения по торговле и тарифам (ГАТТ, 1950—1960-е гг.), второй — возрастающей интеграцией финансовых рынков и ускоренным ростом международного движения капиталов (1970—1980-е гг.), третий — увеличением объема прямых инвестиций и численности межфирменных альянсов. По мнению Генсекретаря ОЭСР Ж.-К. Пея, глобализация является “синонимом взаимопроникновения и

слияния экономик под общим давлением обостряющейся конкуренции и ускорения технического прогресса” [4].

Форсированное развитие глобализации кардинально изменило содержание мировых хозяйственных связей. В настоящее время темпы роста международной торговли опережают темпы роста производства. В погоне за максимальными прибылями центр тяжести своей деятельности ТНК переносят в зарубежные страны. Во многих западных странах движение частных инвестиций превышает резервные фонды центральных банков, а финансовые потоки в десятки раз перекрывают трансакции, связанные с экспортом товаров и услуг. Поэтому термин “глобализация” во многих странах зачастую трактуется как переход к установлению новой геофинансовой системы.

Анализируя значение перечисленных факторов в интенсификации глобальных процессов, многие исследователи гипертрофируют роль интернационализации “свободных рынков”, торговых операций и финансовых потоков в глобализации экономической жизни. В действительности эти элементы мировой экономики существенно возросли в абсолютных измерениях, но остались на уровне начала XX в. в относительном выражении. Например, отношение международной торговли к международному производству увеличилось с 12,9% в 1913 г. до 14,3% в 1993 г. Отношение прямых инвестиционных потоков к ВВП в развитых странах составляло 3% в 1913 г. и 4% в 1990 г. Отношение экспорта к мировому объему производства составляло 9% в 1913 г., упало до 7% в 1950 г., поднялось до 11% в 1973 г. и достигло 14% только в начале 1990-х годов [5].

К числу действительно новых явлений на исходе XX века относятся монополизация прямых инвестиций странами геостратегической “триады” (США, ЕС и Япония), повышение мобильности капитала и производства, обострение конкуренции на мировых рынках вследствие выхода на них ряда “новых индустриальных стран”, засилье ТНК во всемирной экономике и укрепление глобальных олигополий. Расширение международного разделения труда накануне XXI в. привело к тому, что все страны и регионы все более зависят друг от друга в вопросах ввоза и вывоза товаров и услуг.

Как известно, фордизм как особый метод организации массового производства основывался на крупных капиталоемких предприятиях, негибких производственных процессах и довольно жестких бюрократических структурах. Глобализация содействовала переходу от фордизма к постфордизму, внедрению гибкого наукоемкого производства, прежде всего на предприятиях ТНК. В отличие от фордизма, выступающего в защиту национальных рынков, сторонники постфордизма главную ставку делают на мультинационализацию рынков, материальных, финансовых, человеческих и других ресурсов [7].

Постфордизм зиждется на микропроцессорных технологиях, компьютеризации и роботизации производства, гибком изготовлении и предоставлении специализированных товаров и услуг, рассредоточенных на множестве мелких и средних предприятиях. Это позволяет ТНК извлекать весомые выгоды из дифференциации ставок заработной платы и уровней юнионизации наемной рабочей силы. Интегральная концепция постфордизма, по словам южнокорейского социолога М.-Р.Чоу, сводится

к утверждению “такой структуры накопления капитала, которая связывает в единое целое технологическую парадигму, индустриальную организацию и социальные процессы” [8, с.82].

По модели М.-Р.Чоу, постфордизм охватывает не только экономические, но и общественные отношения. Способ регулирования, действующих в рамках постфордизма, включает в себя весь комплекс производственных институтов, социальных и политических отношений и практик, в сочетании, единстве и взаимодействии регулирующих социальные процессы накопления. Новый режим накопления, соединенный с новыми социально-регулятивными процедурами, в течение определенного времени становится более надежным и способствует укреплению организационных структур.

В отличие от фордизма, действовавшего первоначально в национальных пределах, многонационально-пространственная ориентация постфордизма ведет к столкновению двух противоположных тенденций — глобализации и локализации. Какая из них получит преимущественное развитие или же им удастся соединиться в едином глобально-локальном взаимодействии, по мнению М.-Р.Чоу, выяснится в обозримом будущем [8, с.180].

Не преуменьшая значения традиционных производственных, торговых и финансовых связей в постинтернационализации мирового хозяйства, следует подчеркнуть, что именно “быстрый прогресс в области транспортных, коммуникационных и информационных технологий способствовал этому глобальному процессу” [9].

В течение двух последних десятилетий глобальные компьютерные, телефонные, телевизионные и другие сети увеличили свои информационные возможности более чем в миллион раз. В наше время компьютерные мощности удваиваются каждые 18 месяцев. Сегодня портативный персональный компьютер (ПК) стоимостью 2000 долл. обладает большей разрешающей способностью, чем его стационарный предшественник стоимостью 10 млн. долл. в середине 1970-х годов. За последние 25 лет количество компьютеров в мире увеличилось с 50 тыс. до 140 млн. В 1990-е годы ни одно средство коммуникации не прогрессирует так стремительно, как система Интернет, насчитывающая сейчас более 50 млн. пользователей. Революционные изменения в передаче информации на большие расстояния в 1996 г. довели возможность одновременных переговоров по трансатлантическому кабелю до 1,5 млн. (в 1961 г. — 138 переговоров). Бесспорным лидером в информационном насыщении домохозяйств продолжают оставаться США. В 1994 г. 37% американских домохозяйств имели ПК, 10% — факс-аппараты, 15% — ПК-модемы, 65% — цифровые и 65% — кабельные средства связи. Сложные информационные системы широко используются в развитых странах не только в производстве, торговой и финансовой сети, но и в домашних условиях. Это позволяет миллионам владельцев ПК, модемов и телефонов работать и учиться, совершать покупки и заключать сделки 24 часа в сутки, не выходя из дома [10].

Глубокое проникновение инновационной информатики в экономическую практику стало возможным в результате снижения стоимости производства и предоставления информационных средств и услуг. С 1960 г.

по 1990 г. стоимость единицы компьютерной мощности упала на 99%. В период между 1930 г. и 1990 г. стоимость трехминутного разговора между Нью-Йорком и Лондоном сократилась с 244,65 долл. до 3,32 долл. [6]. Большое значение в ускорении глобальных процессов в сфере производства и торговли имело также ощутимое снижение транспортных издержек благодаря внедрению новейших технологических достижений и усилению конкуренции. В 1996 г. издержки на единицу продукции, перевезенной морским транспортом, по сравнению с началом 80-х годов сократились на 70%. Снижение транспортных тарифов отмечалось и на других видах транспорта.

В современной западной социологии считается, что революционные технологические изменения второй половины XX ст. сделали глобализацию возможной, а либерализация торговли и повышение роли транснациональных корпораций и банков (ТНБ) в ускорении мобильности капитала превратили эту возможность в действительность. В результате торговых переговоров в рамках Уругвайского раунда средние тарифы на импорт промтоваров в развивающихся странах должны снизиться с 34% в 1984—1987 гг. до 14% в ближайшем будущем. С 1970 г. по 1990 г. количество стран, отменивших валютный контроль над импортом товаров и услуг, увеличилось с 35 до 137. Начиная с 1991 г. в правила регулирования прямых зарубежных капиталовложений внесено около 570 изменений, направленных на либерализацию инвестиционных процессов. Это способствовало тому, что темпы роста глобального экспорта в период между 1991 и 1996 гг. составили 7% в год, прямых зарубежных инвестиций — 12% в год [6].

Курс на либерализацию всемирной экономики, взятый в последние годы на вооружение “сильными мира сего”, способствовал повышению удельного веса зарубежных филиалов ТНК в мировом производстве с 4,5% в 1970 до 7,5% в 1995 году. Среди 100 крупнейших ТНК, на долю которых приходится пятая часть зарубежных активов, 98 базируются в развитых странах Запада. На долю стран “семерки” сегодня приходится свыше половины мирового экспорта промышленных изделий. Приведенные данные не оставляют сомнения в том, какие именно страны извлекают наибольшую выгоду из интенсификации либерализации [6].

Во время перехода от “холодной войны” к “холодному миру” внешняя торговля играет все более активную роль в формировании внешней политики западных стран, поскольку определяющим фактором во внешнеполитической деятельности вместо геополитики становится геоэкономика. В 1970 г. внешняя торговля США составляла 13% ВВП страны, сегодня — почти 30%. В связи с этим влиятельная американская газета “Интернэшнл геральд трибюн” недавно писала: “Экономическая действительность состоит в том, что Америка должна продолжить курс на расширение своей торговли, если и впредь намеревается поддерживать свое процветание. Торговля также стала одним из главных средств распространения влияния США во всем мире как посредством двусторонних торговых соглашений, так и включением новых стран (например, Китай и Россия) в многостороннюю систему, где Западу принадлежит господствующее положение” [11].

Многие западные социологи считают глобализацию и либерализацию настолько тесно связанными между собой, что предлагают рассматривать их как два элемента одного и того же явления. Так, британский исследователь Д. Вудворт отмечает: “Глобализация состоит из свободных рынков, инвестиционных потоков, торговли и информации. Сокращение таких естественных барьеров, как транспортные и коммуникационные издержки, и таких искусственных барьеров, как тарифы, квоты и валютный контроль, способствовало росту торговли и прямых иностранных инвестиций в мире ... Во многих случаях причиной проведения политики дерегулирования и либерализации явились меры по стабилизации и приспособлению экономики, взятые на вооружение во многих странах в результате кризиса внешней задолженности в 80-х годах, зачастую после выкручивания рук внешними кредиторами” [12, с. 26].

Тектонический сдвиг в сторону глобализации и либерализации мирового хозяйства произошел после демонтажа социализма в СССР и других странах Восточной Европы. В начале 90-х годов сторонники “глобального капитализма” провозгласили, что глобализация и либерализация способствуют универсализации мира, предложив поставить между ними знак равенства. Известный американский экономист Р. Хейлбронер в своей книге “Капитализм в XXI веке” заявил, что “капитализм XXI века будет развиваться под влиянием призраков различных капитализмов”, причем “некоторые из них будут успешными, некоторые — нет” [13]. Вскоре эйфорические оценки в отношении будущей “глобальной капитализации” мира на Западе сменились более сдержанными выводами и менее оптимистическими прогнозами.

Столкнувшись с “новым мировым беспорядком”, западная социология вынуждена признать как несостоятельность старой парадигмы развития, так и настоятельную потребность “более фундаментального переосмысления развития в свете будущего капитализма” [14, с.378]. Профессор Гарвардского университета С.Хоффман по этому поводу пишет: “Марксизм дискредитирован. Реализм обещает увековечение той же старой игры и не лучше либерализма готов к противодействию политике хаоса. Либерализм остается единственным всесторонним и обнадеживающим видением мировых отношений, однако он нуждается в тщательной реконструкции. К сожалению, в решении этой задачи мы не продвинулись слишком далеко ни во внутреннем, ни во внешнем измерении” [15].

Это признание, свидетельствующее о глубоком кризисе западных социокультурных установок на исходе XX века, не единично. Оно служит одним из многочисленных подтверждений растущего признания в академических кругах США и других западных стран того факта, что “в свете макросоциальной динамики нашей эпохи — глобализации” необходим “парадигматический прорыв в нашем понимании нового глобального общества и достижении консенсуса по вопросу об основных контурах нового мирового порядка в XXI веке” [16].

Бывший госсекретарь США Дж. Бейкер важнейшим достижением американской внешней политики в послевоенный период считает создание и поддержку “глобального либерального экономического режима, а не победу в холодной войне” [17]. Внедрение этого режима мыслилось осуществить с помощью модернистской “триады” известного американ-

ского социолога Т. Парсонса, то есть путем утверждения рыночной экономики, демократического государственного устройства и индивидуализма. “Эра после холодной войны, — отмечает профессор Гарвардского университета Т. Уэйминг, — казалось бы, должна была знаменовать собой новый мировой порядок, в котором маркетизация, демократизация и индивидуализация станут характерными чертами новой глобальной деревни” [18, с.46]. Однако претворение в жизнь этой новой утопии изначально столкнулось со многими трудностями и не оправдало надежд архитекторов “нового мирового порядка”.

Вопреки обещаниям “глобалистов”, маркетизация не стала эффективным инструментом преодоления экономической отсталости. Более того, в 90-е годы дифференциация населения мира по размерам ВВП на душу населения, расширение пропасти между богатыми и бедными странами приняли катастрофические размеры. По данным ООН, глобализация неуклонно сопровождается увеличением экономического неравенства и углублением социальной поляризации. В 1960 г. соотношение доходов 20% богатейшего населения мира к доходам 20% беднейших жителей планеты составляло 30:1, в 1991 г. — 61:1. Тогда же на долю самой богатой пятой части населения мира приходилось около 90% мирового ВВП, а на долю 1/5 беднейшего населения мира — немногим более 1% мирового ВВП [19].

“Приход глобальной деревни, — пишет Т. Уэйминг, — осуществился скорее в виде виртуальной реальности, чем создания аутентичного дома, и абсолютно не благоприятен для человеческого процветания... Мир, сжатый во взаимозависимую экологическую, финансовую, коммерческую, торговую и электронную систему, никогда ранее не был так сильно разделен на части в соответствии с величиной богатства, влияния и власти” [18, с.47]. Подобные оценки глобального капитализма все чаще встречаются на страницах зарубежных изданий.

В интерпретации американских ученых — профессора Школы международной службы Американского университета в Вашингтоне Р. Брода и научного сотрудника Института политических исследований и Транснационального института США Дж. Кэванангха — дальнейшее следование человечества нынешним курсом приведет к тому, что в грядущем столетии в мире останется две дюжины очень богатых стран, дюжина или около этого бедных по сравнению с ними стран, но вступивших на путь сокращения экономического разрыва с богатыми, и приблизительно 140 бедных стран, которые будут скатываться на экономическое дно. По их мнению, “без значительных политических изменений мир XXI века будет веком экономического апартеида” [20].

Что такое глобальный капитализм?

В современной западной социологии глобализацию рассматривают как процесс изменений, обусловленный усилением интеграции стран и их экономик в результате интенсификации трансграничной деловой активности и сопровождающийся драматическими переменами в социальной и экономической жизни. Квинтэссенцией глобализации выступает усиление потока четырех “и” — инвестиций, индустрий, информации и индивидов,

то есть повышение мобильности капитала, рабочей силы, информации и идей [1, с.1]. Исходя из этого, глобальная экономика зачастую отождествляется с интернационализацией торговых, финансовых, производственных, коммуникационных и других процессов, якобы ведущих все страны к взаимовыгодному деловому сотрудничеству и социальному прогрессу.

В действительности глобализация — это далеко не одномерный и нелинейный процесс, ибо влечет за собой позитивные перемены для одних государств и негативные последствия для других. По свидетельству некоторых западных исследователей, «глобализация является современным феноменом именно потому, что она «делается» посредством приведения в действие существующих интересов, целей и инструментов» [21].

Несмотря на то, что различные аспекты глобализации продолжают оставаться предметом острых дискуссий в академическом мире, большинство западных ученых признает следующее:

1) глобализация охватывает преимущественно взаимосвязанные экономики Европы, Северной Америки и Японии;

2) в условиях глобализации разрыв между Севером и Югом сокращается для ограниченного количества стран, увеличиваясь для большинства других;

3) разъединение государств уже не является жизнеспособной стратегией [14, с. 371].

По мнению одного из основателей миро-системного подхода, президента Международной социологической ассоциации, американского социолога И.Валлерстайна, преимущественное положение в современных мировых экономиках занимают государства *ядра*, являющиеся сердцевиной мировой системы. «В таких странах, — пишет он, — создание сильной государственной машины в соединении с национальной культурой ... способствует выполнению двух функций — механизма защиты диспаритетов, сложившихся в пределах мировой системы, и идеологического прикрытия и оправдания этих диспаритетов» [22].

Как отмечает И.Валлерстайн, современная миро-система подразделяется на *центр*, то есть *ядро*, *полупериферию* и *периферию*. Страны ядра характеризуются наличием сильного государства и «пролетаризированной свободной рабочей силы», доминируют в мировой экономике и эксплуатируют другие страны за пределами ядра. Полупериферийные и периферийные страны отличаются тем, что в них, как правило, — слабое государство, преобладают различные формы «несвободной рабочей силы», домашнего и натурального хозяйства и производства. Страны периферии обеспечивают сырьем страны ядра и интенсивно эксплуатируются ими. Полупериферия занимает промежуточное положение между эксплуатируемыми и эксплуатирующими странами.

К странам ядра относятся высокоразвитые страны Западной Европы, США, Канада, Япония и Австралия. К странам полупериферии (со средним уровнем дохода на душу населения) относятся страны, достигшие как минимум умеренного уровня индустриализации и общего развития. Продвинутыми полупериферийными странами считаются «четыре малых дракона» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг) и ряд «новых индустриальных стран» (Бразилия, Мексика, Малайзия и др.). Периферийные страны — это беднейшие, очень слабые и наименее развитые в

индустриальном отношении страны, сосредоточенные, в основном, в Азии, Африке и Латинской Америке.

Полупериферия, считает И.Валлерстайн, может образовываться и за счет вытеснения отдельных стран из ядра, и за счет подъема их из периферии в результате геополитических и геоэкономических изменений. Центральные, полупериферийные и периферийные “нации-государства” в рамках глобального капитализма имеют трехклассовую структуру: правящий капиталистический класс, социально интегрированный средний слой и социально исключенный “андеркласс”. Соотношение между ними зависит, в первую очередь, от степени развития той или иной страны. В условиях нынешнего глобального экономического и финансового кризиса представляется вероятным, что в обозримом будущем многие бывшие социалистические страны СССР и Восточной Европы будут вытеснены на обочину мирового развития — в зону периферийного капитализма.

По словам И.Валлерстайна, мировая капиталистическая система — это “система, чьи институты призваны выделять из общей массы тех, кто в своей деятельности соблюдает первенство накопления капитала, и наказывать тех, кто пытается следовать другим приоритетам” [23]. Теория миро-системы четко объясняет современный механизм эксплуатации полупериферийных и периферийных стран, позволяющий странам ядра поддерживать и сохранять свои богатство, влияние и власть за счет эксплуататорских отношений, сложившихся в колониальный период и сохранившихся до настоящего времени в виде новой формы угнетения “третьего мира” — неокOLONиализма. Главным орудием эксплуатации этих стран являются ТНК и ТНБ.

Суть современной глобализации состоит в ускорении планетарного охвата мировой экономики ТНК и ТНБ. В наши дни 40 тыс. ТНК и 250 тыс. их зарубежных филиалов контролируют 75% мировой торговли и треть мировых производственных фондов [24]. Крупнейшие из них являются гигантскими спрутами во всех измерениях. Около 1000 многонациональных конгломератов контролируют сегодня более половины мирового производства и 2/3 международной торговли [25]. Подавляющее большинство штаб-квартир ТНК базируется в странах Северной Америки, Западной Европы и Японии. 24 тыс. из 37 тыс. ТНК, зарегистрированных в мире в начале 90-х годов, находились в 14 ведущих индустриально развитых странах. 90% всех ТНК, функционирующих сегодня в мире, приходится на долю промышленно развитых западных стран [26].

Многие ТНК представляют собой более мощные институты, чем большинство стран за пределами ядра. В 1992 г. в перечень 50 богатейших экономических организаций мира, исключая страны ядра и продвинутой полупериферии, входили 33 ТНК и 17 государств. По объему продажи эти ТНК превосходили ВВП многих из упомянутых стран и были богаче 100 полупериферийных и периферийных стран, не попавших в приведенный список [27, с.49]. Обладая колоссальной экономической мощью и опираясь на всемерную поддержку стран основного базирования, гигантские ТНК, прикрываясь лозунгом “экономического рационализма”, стали ведущими рычагами дерегулирования и приватизации во всем мире.

Не менее важную роль в развитии глобальных процессов и изменений играют такие многонациональные институты, как Всемирный Банк и

Международный Валютный Фонд, служащие регулируемыми агентствами глобально организованного капиталистического производства. “Они подчиняют национальные регулирующие попытки периферийных и полупериферийных государств глобальной логике капитала, используя политику кнута и пряника в обеспечении доступа к международным кредитам и проведении структурной перестройки. В итоге индивидуальные страны утрачивают способность и возможность регулировать те части глобально организованных производственных процессов, которые находятся в пределах их собственных границ”, — подчеркивает американский социолог Дж.Тэлбот [28].

ВБ и МВФ выступают в роли покровителей ведущих капиталистических государств, заинтересованных в эксплуатации мировых ресурсов и дешевой рабочей силы за пределами стран ядра. Без доступа к этим материальным и трудовым ресурсам они не смогли бы сохранить достигнутый комфортабельный образ жизни. С другой стороны, страны не-ядра, не могут конвертировать свое сырье в готовые изделия и вынуждены предоставлять эту возможность ТНК. Последние приобретают у них сырьевые материалы и труд по низким ценам, экспортируя произведенную продукцию по высоким ценам. В результате богатые страны становятся еще богаче, а бедные — еще беднее. К тому же последние вынуждены продавать невозобновляемые ресурсы и ограничивать перспективы своего развития.

Что же касается якобы “благотворного” влияния зарубежных капиталовложений на “третий мир”, то последние исследования убедительно свидетельствуют, что инвестиции ТНК в развивающиеся страны, во-первых, замедляют темпы экономического развития в бедных странах, во-вторых, снижают в них качество жизни, в-третьих, ведут к усилению эксплуатации рабочей силы, в-четвертых, увеличивают политическую нестабильность в отдельных слаборазвитых странах [29]. “Выступая в качестве альтернативы модели модернизации, теория миро-системы доказывает, что международная торговая специализация и передача ресурсов из менее развитых стран в страны ядра сдерживает национальное развитие в менее развитых странах, так как это ведет к усилению их зависимости от развитых стран ядра, способствуя их “периферизации” в рамках международного разделения труда”, — отмечает американский социолог М.Моуделл [30].

Весомый вклад в создание новейшей макросоциологической теории внес британский исследователь Л. Склэйр. Он четко разграничил государственно-центристский подход к изучению интернациональной системы, в основу которой положены “нации-государства”, и транснациональный подход к изучению глобальной системы, в центре внимания которого находятся глобальные силы и институты. Эта система, по его мнению, обуславливается транснациональными экономической, политической и культурно-идеологической практиками. В условиях глобального капитализма каждая из названных практик определяется соответствующими институтами:

- транснациональная экономическая практика (ТЭП) — ТНК,
- транснациональная политическая практика (ТПП) — транснациональным капиталистическим классом (ТКК),

— транснациональная культурно-идеологическая практика (ТКИП) — культурой и идеологией консюмеризма (КИК).

По теории Л. Склэйра, “важнейшей глобальной силой ныне является капиталистическая система, опирающаяся на неоднородный глобальный капиталистический класс, который, вне всякого сомнения, диктует транснациональную капиталистическую практику, и является важнейшей и единственной силой в борьбе за преобладающее влияние на политическую и культурно-идеологическую практики” [31, с.8]. Отличительной особенностью современной глобальной системы является ее асимметрия, выражающаяся в том, что наиболее важные экономические, политические и культурно-идеологические блага являются собственностью небольших групп в относительно небольшом числе стран или же контролируются ими. Глобальная система, считает Л.Склэйр, не синоним глобальной капиталистической системы. Однако движущими силами и той и другой системы, а также ТЭП служат ТНК, ВБ, МВФ и товарные обмены.

ТКК создает политическую среду, способствующую тому, чтобы изделия одной страны находили рынки сбыта в других странах. С другой стороны, КИК с помощью рекламных ТНК производит ценности и отношения, стимулирующие потребность в этих товарах. “Теория глобальной системы вращается вокруг воспринятой глобальным капитализмом необходимости в непрерывном увеличении производства и международной торговли, а также необходимости гарантировать политические условия для того, чтобы это происходило бесперебойно во всем мире, и создавать потребности и желания у людей потреблять все изделия, доступные для них на постоянной основе” [31, с. 67].

Современный ТКК выходит за рамки определения К.Маркса и представляет собой международную управленческую буржуазию, охватывающую не только предпринимательскую элиту, старших государственных функционеров и ведущих политиков, но и профессиональных поставщиков КИК. Последним надлежит продавать цели глобальной капиталистической системы широким массам потребителей. ТКК является транснациональным в трех измерениях. Его члены — носители скорее глобального, чем локального видения перспектив. Они являются выходцами из разных стран, но большинство из них начинает считать себя “гражданами мира”. И, наконец, они склонны вести сходный образ жизни, демонстрируя образцы потребления товаров роскоши.

Экспансия ТНК влечет за собой утверждение “дуализма” в полупериферийных и периферийных странах, то есть разделение местных социально-экономических структур на “традиционные” и “модернизированные”. И чем больше уверенность принимающей ТНК стороны в неполноценности и ненадежности своей собственной промышленности, подчеркивает Л.Склэйр, тем больше шансов на то, что таковой она станет или останется.

“В терминах экономической логики традиционное предприятие может удовлетворять нужды и запросы местных потребителей..., — пишет Л.Склэйр. — В то же время в терминах политической (транснациональной) логики традиционное предприятие воспринимается как неэффективное вследствие его недостаточной международной конкуренто-

способности” [31, с. 75]. Включение полупериферии и периферии в экономику глобального капитализма стимулирует отток наиболее способного управленческого персонала и подготовленной рабочей силы в систему ТНК. В результате этого ТКК, часть местной наемной рабочей силы и другие слои поддержки ТНК все более идентифицируют свои интересы с интересами глобального капитализма и зачастую выступают против интересов своих стран и народов.

“Для достижения этой цели ТКК должен стимулировать и поощрять компрадорский менталитет во всем обществе за пределами глубокого тыла капитализма в “первом мире”, — отмечает Л.Склэйр. Компрадоры как агенты глобального капитализма стремятся убедить своих соотечественников в том, что самые лучшие практики связаны с глобальной капиталистической системой, что без помощи ТНК их страны не смогут справиться с проблемами экономического роста и развития. Следствием этого стало обострение борьбы между сторонниками ориентации на внешние и внутренние силы в странах “второго” и “третьего” мира. “Правильный подход к развитию, — по мнению Л.Склэйра, — вне всякого сомнения, лежит где-то между рабской привязанностью ко всему иностранному и атавистической неприязнью к любому типу изменений” [31, с.77-78].

В свете макросоциологической теории Л.Склэйра ТЭП — строительные блоки глобального капитализма, ТПП — основные принципы его организации, а КИК — болты и гайки, скрепляющие его целостность. Для обеспечения его функционирования доминирующие силы в каждой из трех практик должны монополизировать ключевые ресурсы, выступающие предметом жесткой конкуренции. Поэтому ТНК прилагают огромные усилия для установления контроля над глобальными ресурсами, ТКК — над глобальными полномочиями, транснациональные агенты КИК — в идеологической сфере.

По мнению Л.Склэйра, в конце XX в. транснационально-корпоративный контроль над капиталами и ресурсами почти завершен. В капиталистических странах ТКК осуществляют прямое правление через национальные буржуазные или социал-демократические партии. В некапиталистических странах ТКК реализуют косвенное управление с помощью государственных властей, вынужденных действовать в их интересах, поскольку это является своего рода входной платой за пропуск в глобальную капиталистическую систему. Почти тотальный контроль над идеями в интересах стимулирования потребительского спроса и в первых, и во-вторых странах всемерно способствует непрерывному накоплению капитала.

“Основная сила глобальной капиталистической гегемонии, — подчеркивает Л.Склэйр, — состоит в том, что капитализм непрерывно работает и работает очень напряженно, чтобы убедить людей в том, что эта система является естественной, справедливой и принципиально лучшей, чем любая другая реалистическая альтернатива” [31, с.98]. Однако итоги развития мировой цивилизации в XX столетии убедительно свидетельствуют, что глобальный капитализм отнюдь не обладает приписываемыми ему магическими свойствами и является главным источником глобального неравенства в преддверии вступления человечества в третье тысячелетие. В этом контексте на симпозиуме “ЮНЕСКО и Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам социального развития” в июне 1994 г. спра-

ведливо отмечалось: “В настоящее время процесс глобализации ... ставит государство вне закона. По имеющимся оценкам, объединенный капитал 15 главных мультинациональных компаний превышает совокупный ВВП около ста бедных стран. С их помощью избранные элиты в развивающихся странах строят псевдо-Манхэттены в океане бедности” [32].

Что такое глобальное неравенство?

Засилье гигантских ТНК, представляющих наиболее развитые западные страны, продолжает оставаться неизменным во всемирной экономике. Среди 100 крупнейших ТНК, венчающих пирамиду глобального капиталистического бизнеса в 1997 г. в соответствии с размером зарубежных активов, было только две ТНК, штаб-квартиры которых находились в развивающихся странах [6]. Одним из основных негативных последствий глобализации валютных отношений стал выход из сферы государственного регулирования и контроля международных финансовых операций ТНБ после демонтажа Бреттон-Вудской системы.

В 1971 г. около 90% всех операций с иностранной валютой осуществлялось с целью финансирования торговли и долгосрочных инвестиций, и только 10% транзакций носили спекулятивный характер. Сегодня положение вещей на мировом финансовом рынке кардинально изменилось — более 90% упомянутых операций совершается в спекулятивных целях. Ежедневные размеры этих финансовых потоков оцениваются в 1,2 трлн. долл. США и значительно превышают резервы иностранной валюты, имеющейся в распоряжении всех стран “семерки” [33]. Всплеск спекулятивной финансовой деятельности на исходе века привел глобальный капитализм к созданию “экономики казино” и финансовым потрясениям во всех странах ядра, полупериферии и периферии.

В последнее время глобальная деятельность ТНК и ТНБ настойчиво навязывается общественному мнению как очередная благодетель глобального капитализма, в виде “идеальной модели” для построения “новых социальных систем”, идущих на смену “традиционным институтам и обществам”. В действительности идеологические установки адвокатов мультинационализма ставят под сомнение целесообразность дальнейшего существования независимых экономик и суверенных государств, сводя роль их правительств к обеспечению и обслуживанию инфраструктуры глобальной экономики. Современное развитие мирового хозяйства наглядно демонстрирует, что отождествление глобальной экономики с взаимовыгодной связью всех национальных экономик с помощью стратегической “триады” — торговли, инвестиций и кредитов — безосновательно.

Постинтернационализация мирохозяйственных связей не сопровождается обещанным сокращением разрыва между богатым Севером и бедным Югом, напротив, неуклонно ведет к массовой пауперизации многих народов, в том числе проживающих на территории суверенных осколков бывшего СССР. В подтверждение этого достаточно сослаться на то, что сегодня на каждую прогрессирующую в экономическом отношении страну “третьего мира” приходится 10 стран, практически исключенных из экономического развития.

В этих странах, влачащих жалкое существование на обочине капиталистического мира, проживает 45% населения нашей планеты. В то же время 358 миллиардеров в странах рыночной экономики владеют богатством, превышающим годовой доход почти половины населения Земли [34]. Это еще одно убедительное свидетельство того, что еще “никогда в истории разделительная линия между богатыми и бедными, господствующими и маргинализированными, имеющими и не имеющими право голоса, включенными и исключенными, информированными и не информированными, имеющими связи и изолированными не была проведена столь отчетливо, как в настоящее время” [12, с.26].

Концентрированным выражением глобального неравенства в условиях глобализации современного мира является колоссальная разница величины ВВП на душу населения в развитых и развивающихся странах. В богатых странах названный доход составляет почти 22000 долл., в бедных — всего 308 долл. США [27, с.20]. В 1996 г. средний доход населения в 70 странах мира был ниже, чем в 1980 г., а в 43 странах — еще ниже, чем в 1970 г. По данным, приведенным в “Докладе ООН о человеческом развитии — 1997”, с 1974 г. по 1994 г. удельный вес людей, оказавшихся в тисках бедности, увеличился с 16% до 19%. В результате усиления процесса пауперизации во всемирном масштабе сегодня около 1,3 млрд. чел., или каждый четвертый житель планеты существуют на мизерный доход менее 1 долл. в день, а ожидаемая продолжительность жизни каждого третьего жителя в развивающихся странах составляет менее 40 лет. Беспрецедентно стремительными в условиях мирного времени темпами происходит обнищание населения в бывших социалистических странах СССР и Восточной Европы. За годы проведения “радикальных экономических реформ” количество бедных в этом регионе возросло с 4 млн. до 120 млн. чел. [35].

География бедности на пороге XXI века не ограничивается странами “третьего мира” и “постсоциалистического пространства”. Не случайно в докладе Комитета по вопросам социальной политики, медицинского обеспечения и семьи Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 12 января 1998 г. отмечалось: “В настоящее время Европа сталкивается с серьезными проблемами, несущими угрозу социального взрыва. В странах Центральной и Восточной Европы переход к рыночной экономике и исчезновение коммунистической социальной политики привели к тому, что здравоохранение и социальные инфраструктуры стали неадекватными и недоступными. В странах Западной Европы политика социальной защиты населения находится в упадке и подвергается сомнению. Бедность поразила десятки миллионов европейцев”. По статистике ЕС, в 1993 г. каждый шестой житель и каждое шестое домохозяйство в 12 странах ЕС находились за чертой бедности, каждый пятый ребенок жил в бедной семье. В 1996 г., по оценке Евростата, 31 млн. чел. в 15 странах ЕС получали социальное вспомоществование, 18 млн. чел. — пособие по безработице, около 35% домохозяйств числились бедными, 3 млн. чел. были бездомными [36].

Тенденция к дальнейшей поляризации богатства и бедности отчетливо прослеживается в большинстве стран ядра, в том числе и в самой богатой стране капиталистического мира — США, ибо, по справедливому опре-

делению известного немецкого социолога Р.Дарендорфа, “американское общество никогда не было совершенным с точки зрения экономических возможностей, социального включения или политического участия” [37]. По данным Бюро переписи населения, в 1996 г. средний доход нижней пятой части американцев снизился на 1,8%, а верхней — увеличился на 2,2%. В том же году общее количество бедных в США оставалось примерно на том же уровне, что и в 1995-м, составляя 36,5 млн. чел., или 13,7% населения США. Однако численность крайне бедных значительно возросла по сравнению с предыдущим годом. В дополнение к этому необходимо отметить, что если в 1995 г. 13,9 млн. американцев имели доход ниже черты бедности, то в 1996 г. количество таких людей возросло до 14,4 млн., то есть на полмиллиона [38].

Социальное расслоение общества, грубое попрание элементарных норм социальной справедливости стало характерной чертой американского образа жизни в 90-е годы. В наши дни 20% американцев, проживающих в домохозяйствах стоимостью 180 тыс. долл. и выше, владеют 80% национального богатства, а на долю 20% наиболее низкооплачиваемых американцев приходится всего 5,7% всех ежегодных индивидуальных доходов после уплаты налогов. Примеров подобного экономического неравенства нет ни в одной другой западной стране. В связи с этим профессор экономики Нью-Йоркского университета Э.Вулфф справедливо подчеркивает: “Мы являемся наиболее неравной индустриально развитой страной в мире в распределении дохода и богатства, и мы становимся еще более неравными быстрее, чем другие промышленно развитые страны” [39].

Всеобъемлющий характер глобального неравенства, беспрецедентные масштабы голода и нищеты, обострения социальных болезней и патологий, деградации экологической системы свидетельствуют о том, что на пороге XXI века человечество вступило в критический и решающий момент своей истории. По признанию вице-президента ВБ по международным отношениям М.Брауна, “самым поразительным является то, что доля развивающихся стран в мировом ВВП сегодня ниже, чем в 1870 году” [40]. Таковы реальные результаты глобального рыночного эксперимента под эгидой ВБ и МВФ!

Неолиберальная глобализация, ведущая к концентрации богатства и бедности на разных социальных полюсах в странах ядра, полупериферии и периферии, к углублению и расширению экономической пропасти между Севером и Югом, к обострению и осложнению глобальных проблем человечества, свидетельствует, по мнению И.Валлерстайна, Л. Склэйра и многих других западных социологов, о вступлении мировой капиталистической системы в последнюю стадию своего развития и исторической обреченности империализма. Это ставит под сомнение состоятельность всех “догоняющих” моделей перестройки, навязываемых глобальным капитализмом странам “второго” и “третьего” мира на исходе XX века, делая необходимость научного поиска альтернативной, подлинно эффективной, гуманной и демократической парадигмы развития настоящим велением нашего времени.

Литература

1. *Kanter R.M., Pittisky T.L.* Globalization: New Worlds for Social Inquiry // Berkeley Journal of Sociology. — 1995–1996. — Vol. 40.
2. *Фергюсон Й.* Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А.Цыганкова. — М., 1998. — С. 212.
3. The Social Science Encyclopedia / Eds. A.Kuper, J.Kuper. — L.; N.Y., 1996. — P. 345.
4. *Paye J.C.* Interdependances et frontieres // Defence national. — Paris, 1994. — A. 50. — № 10.
5. *David D.* Globalization: Some Key Questions // Courier. — 1997. — July-August. — P. 50.
6. Financial Times. — 1997. — October 1.
7. *Jary D., Jary J.* Collins Dictionary of Sociology. — Glasgow, 1995. — P. 237–239.
8. *Cho M.R.* Flexibilization Through Metropolis: The Case of Postfordist Seoul, Korea // International Journal of Urban and Regional Research. — 1997. — Vol. 21. — № 2. — P. 82.
9. Globalization and Liberalization: Effect of International Economic Relations on Poverty. — N.Y., 1996. — P. 240.
10. A Survey of the World Economy // Economist. — 1996. — September 28.
11. International Herald Tribune. — 1998. — February 3.
12. *Woodward D.* Effect of Globalization and Liberalization on Poverty: Concept and Issues // Globalization and Liberalization. — N.Y., 1996.
13. *Heilbroner R.L.* 21st Century Capitalism. — N.Y., 1993.
14. *Nederveen P.J.* Going Global: Future of Capitalism // Development and Change. — 1997. — April 1997.
15. *Hoffmann S.* The Crisis of Liberal Internationalism // Foreign Policy. — 1995. — April. — P. 177.
16. *Robinson W.I.* Globalization, the World System, and “Democracy Promotion” in U.S. Foreign Policy // Theory and Society. — 1996. — October. — P. 615.
17. Цит. по: *Schwartz B.* The Long and Short of It: The Twentieth Century and Capitalism’s Triumph — and Tragedy // World Policy Journal. — Fall 1995. — P. 91.
18. *Weiming T.* Global Community as Lived Reality // Social Policy and Social Progress: A Review Published by the United Nations. — N.Y., 1996.
19. *Garsia M.E.C.* Latin American Patterns of Globalization & Regionalization // Cooperation South. — 1998. — № 2. — P. 97.
20. *Broad R., Cavanagh J.* Don’t Neglect the Impoverished South // Foreign Policy. — Winter 1995–1996. — P. 24.
21. *Wilenius M.* Faust on Wheels: Conceptualizing Modernization and Global Climate Change. — Helsinki, 1997. — P. 62.
22. *Wallerstein I.* The Modern World System // Social Theory: The Multicultural and Classic Readings. — Boulder (Colorado), 1993. — P. 427.
23. *Валлерстайн И.* Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменится? // Социологические исследования. — 1997. — №1. — С. 17.
24. New Worker. — 1997. — August 29.
25. *Murray G.* Introduction // Current Sociology. — 1995. — Summer.
26. World Investment Report, 1993: Transnational Corporations and Integrated International Production. — N.Y., 1993. — P. 1.
27. *Bradshaw Y.W., Wallace M.* Global Inequalities. — Thousand Oaks (Calif.), 1996.
28. *Talbot J.M.* Regulating the Coffee Commodity Chain: Internationalization and the Coffee Cartel // Berkeley Journal of Sociology. — 1995–1996. — Vol. 40. — P. 115.
29. См.: *Wimberley D.* Investment Dependence and Alternative Explanations of Third World Mortality // American Sociological Review. — 1990. — Vol. 55. — P. 75–91;

- London B., Williams B.* Multinational Corporate Penetration, Protest, and Basic Needs Provision in Non-Core Nations // *Social Forces*. — 1990. — Vol. 66. — P. 747–773;
- Boswell T., Dixon W.* Dependency and Rebellion // *American Sociological Review*. — 1990. — Vol. 55. — P. 540–559.
30. *Moadell M.* Political Conflict in the World Economy // *American Sociological Review*. — 1994. — April. — P. 277.
31. *Sclair L.* *Sociology of the Global System*. Second Edition. — Baltimore (Md), 1995.
32. *Atal Y.* Development So Far — and Now, Where // UNESCO and the World Summit for Social Development. — Paris, 1996. — P. 87.
33. *Block F.* Controlling Global Finance // *World Policy Journal*. — Fall 1996. — P. 26.
34. *Courier*. — 1997. — July-August. — P. 50; *Guardian*. — 1996. — July 16.
35. *Guardian*. — 1996. — July 16; *Choices*. — 1997. — July. — P. 10.
36. Council of Europe. Parliamentary Assembly. Fighting Social Exclusion and Strengthening Social Cohesion in Europe. — Doc. 7981. — 1998. — 12 January. — P. 1, 8, 9.
37. *Darendorf R.* Economic Opportunity, Civil Society and Political Liberty // *Development and Change*. — 1996. — April. — P. 230.
38. *Economist*. — 1997. — October 4-10. — P. 63.
39. *Guardian*. — 1995. — April 20.
40. *Brawn M.M.* Keeping Up With the Next Century // *RSA Journal*. — 1997. — July. — P. 67–68.